

Искусство

4

НОВОЕ В
ЖИЗНИ

науке
технике

С Е Р И Я XVIII • 1 9 6 7

Н. Барсамов

Айвазовский

Н. Барсамов

Иван Константинович
АЙВАЗОВСКИЙ

К 150-летию со дня рождения

Издательство «Знание»
Москва 1967

75С1
Б26

*Рукопись подготовлена
автором на общественных
началах*

8-1-2
216-1967

Счастье улыбнулось мне

Айвазовский

Для русского народа море всегда было синонимом свободы. Море олицетворяло силу и мужество, звало к противоборству, рождало жажду борьбы. Таким отражено море в народных песнях и в литературе, как «свободная стихия» оно вошло в русскую поэзию. Таким воплотил образ моря в своем творчестве Иван Константинович Айвазовский.

Творчество художника тесно связано с отечественным искусством конца XVIII и XIX века, оказавшим на него плодотворное влияние.

В начале творческого пути искусство художника приветствовали А. Пушкин, К. Брюллов, М. Глинка, Н. Гоголь. В 70-х годах Айвазовский становится одним из крупнейших мастеров реалистического пейзажа. В эти годы его искусство высоко оценивали многие выдающиеся представители русской культуры, в том числе И. Крамской, И. Репин, В. Стасов.

Айвазовский создал за свою жизнь шесть тысяч картин. Он счастливо сочетал в своем творчестве драгоценные качества: доходчивость, эмоциональность, волевое начало и прелесть тонкой поэзии, которые выдвинули его в первые ряды маринистов мира. Не случайно он был избран членом пяти академий художеств: Петербургской, Римской, Флорентийской, Штудгартской и Амстердамской.

Имя Айвазовского стоит в ряду выдающихся деятелей искусства, его произведения вошли в золотой фонд русского классического наследия. Творчество художника подлинно народно. Особенно широкое народное признание оно приобрело в наши дни. Имя художника и его основные произведения известны во всех концах великой Советской страны.

Становление художника

Мало кому из русских художников выпала на долю такая удача, какая сопутствовала Ивану Константиновичу Айвазовскому во всех начинаниях на протяжении его долгой жизни.

Художник родился 17 (29) июля 1817 года в Феодосии. Ко времени рождения младшего сына семья Айвазовских находи-

лась в бедственном положении, и это вынудило отца занять должность базарного старосты.

В начале XIX века Феодосия была многонациональным торговым приморским городом. Жизнь города в значительной степени сосредоточивалась на базаре, и от старосты требовалась способность улаживать возникающие недоразумения с городскими властями, умение поговорить со всеми на их родном языке. Отец художника знал шесть языков.

Детские годы живописца протекали у моря, так же как детство большинства ребят в южнорусских городах того времени. Море определяло весь уклад их жизни.

С самых ранних детских лет Айвазовский видел перед собой развалины средневековых крепостных стен, которые окружали город двойным кольцом; у самого моря стояли некогда грозные средневековые башни. Доживали свой век старинные постройки с их своеобразной архитектурой. Древние армянские и греческие церкви, еврейские синагоги и караимские кенасы, татарские и турецкие мечети, каменные фонтаны со струйками студеной воды — все это привлекало своей красотой, живописностью.

С возвышенности, на которой стоял дом Айвазовских, открывалась широкая панорама моря, замкнутого плавной дугой Феодосийского залива. Ощущение безбрежных просторов моря, степного раздолья и яркого южного неба над ними навсегда запечатлелось в памяти будущего художника.

Семья К. Г. Айвазовского жила материально настолько стесненно, что даже его жена вынуждена была искать заработки. Лишь случай помог Ивану Айвазовскому после окончания городского училища поступить в симферопольскую гимназию, а оттуда в 1833 году в Академию художеств, в пейзажный класс профессора М. Воробьева.

Занятия в академических классах Воробьева и А. Зауервея и в мастерской Ф. Таннера привели к быстрому развитию дарования Айвазовского. Но несправедливый навет Таннера навлек на молодого живописца гнев и немилость Николая I. Потребовалось вмешательство И. Крылова, В. Жуковского и Зауервея, чтобы развеять грозу, нависшую над Айвазовским и сохранить его в Академии.

Айвазовский много и усердно работал. Современники художника вспоминают, что на его мольберте одна картина сменяла другую. Иногда он писал картины по зарисовкам, сделанным с натуры на берегу Балтийского моря, но чаще всего — по воображению. Одна из картин привлекла внимание А. Пушкина, посетившего осенью 1836 года Академическую выставку. Айвазовский был представлен Пушкину как подающий надежды академист. «С тех пор, — вспоминал в старости художник, — и без того любимый мной поэт сделался предметом моих дум, вдохновения и длинных бесед и рассказов о нем».

В 30-х годах в обществе К. Брюллова и М. Глинки Айвазовский показал себя не только живописцем, но и одаренным музыкантом, прекрасно игравшим на скрипке народные мелодии. Они нравились Глинке, который записал и использовал их для оперы «Руслан и Людмила». Глинка так рассказывал об этом: «Айвазовский, посещавший весьма часто Кукольника, сообщил мне три... напева; впоследствии два из них я употребил для лезгинки, а третий для анданте сцены Ратмира в третьем акте оперы «Руслан и Людмила».

Большое волнение в Петербурге вызвала картина Брюллова «Последний день Помпеи», доставленная из Италии в 1834 году. Толки о том, что она была создана под впечатлением одноименной оперы Д. Пачини, в небывало короткий срок — одиннадцать месяцев, — усилило интерес академистов к театральным постановкам.

Спектакли того времени трактовались как пышные зрелища с различными сложными эффектами освещения, полетами на сцене. Романтический пафос театральных постановок тридцатых годов на петербургской сцене нашел отражение в творчестве Айвазовского. «Как далеко это время, — вспоминал художник. — Как много переменилось с тех пор, когда вместе с Гоголем я читал по выходе в свет серьезную и искреннюю статью Белинского «Литературные мечтания», в которой с таким восторгом и горячностью относился он к театру, «любимому им всеми силами души!...».

На титульном листе пьесы А. Шаховского «Буря», поставленной в Александрийском театре, было написано: «Волшебноромантическое зрелище в трех действиях... Кораблекрушение — музыкальный пролог; действие его происходит на корабле, погибающем во время бури». Не удивительно, что среди картин Айвазовского, выставленных в 1837 году, были показаны картины «Кораблекрушение» и «Мрачная ночь с кораблем в огне на море».

В том же 1837 году художник создал картину «У маяка», изображающую надвигающуюся бурю лунной ночью. Она написана в плане живописи его академического профессора Воробьева, и это вполне естественно. Удивительно другое, что молодой художник, проучившись в Академии всего четыре года, создал небольшую картину, по тонкости мастерства не уступающую работам своего профессора.

Несмотря на быстрые успехи и легкость, с какой Айвазовский овладевал живописным мастерством, он умел подолгу и упорно работать. Сохранилась очень точная копия, написанная живописцем с одной из последних работ Сильвестра Щедрина. Она была выполнена по заданию крупного коллекционера живописи А. Томилова, в имении которого гостил в летние месяцы Айвазовский.

За картины, показанные Айвазовским на Академической

выставке 1837 года, ему была присуждена большая золотая медаль и назначена заграничная командировка на шесть лет. Но ей предшествовала поездка в Крым, где молодой художник еще более усовершенствовал свое мастерство.

Художник, приехав в родной город, принялся за работу. Он написал с натуры виды Феодосии, Керчи, Ялты и приступил к работе над картинами, созданными по воображению.

К этому методу Айвазовский неизбежно должен был прийти потому, что часто изображал бурное море или ночные марины. Все это писать с натуры невозможно, и он невольно должен был полагаться на свою исключительную зрительную память и воображение.

Айвазовский мог по карандашному рисунку, сделанному с натуры, написать с большой легкостью картину в мастерской.

Картина художника «Лунная ночь в Гурзуфе» (1839) стала вехой на пути создания им цикла ночных марин.

Спокойная работа над видами крымских городов была прервана приездом в Феодосию генерала Н. Раевского, командовавшего в те годы войсками кавказской прибрежной линии. Познакомившись в мастерской Айвазовского с его живописью, Раевский оценил дарование мариниста и пригласил его принять участие в предстоящем на Кавказе Морском десанте. Живописец, естественно, загорелся желанием немедленно пуститься в путешествие, во время которого жаждал увидеть «то, чего еще ни разу не видел и, кто знает, увидит ли когда-либо...» Он высадился на берег вместе с атакующими войсками и при этом проявил храбрость и мужество.

В результате участия в десанте, Айвазовский написал три картины, дающие представление о десанте у Субаши. На них изображен Кавказский берег Черного моря; вдоль берега стоят военные корабли, орудийным огнем прикрывающие десантников, подплывающих к берегу на шлюпках. Вдали видны снеговые горы.

Эта поездка обогатила художника не только чисто живописными впечатлениями. Он познакомился со многими выдающимися людьми своей эпохи и был принят на корабль командующего Черноморским флотом М. Лазарева, где офицерами служили П. Нахимов, В. Корнилов, В. Истомин. Здесь же Айвазовский встретил разжалованных в солдаты декабристов А. Одоевского, М. Нарышкина, Н. Лорера. С семьями декабристов художник сблизился и сохранил о них самые светлые воспоминания.

По возвращении в Петербург в 1840 году Айвазовский, помимо многих марин, представил две картины, изображающие Черноморский флот: «Десант в Субаши» и «Военные корабли на севастопольском рейде». В том же году осенью он выехал на заграничную командировку в Италию.

Айвазовский отправлялся за границу не новичком в живо-

писи, а сложившимся мастером. В работах художника во многом уже был определен путь, по которому пойдет дальнейшее развитие его дарования. Глядя на карандашные рисунки, сделанные с натуры, он воскрешал в своей памяти живые краски природы, движения волн и облаков в ясном небе, яркий блеск солнца, утренний туман над морской гладью или грозное переменение темных туч, освещаемых вспышками молний.

Айвазовский неустанно работал, переезжая с одного места на другое. Ему понравился Неаполь, там он сделал много детально выполненных карандашных рисунков и написал несколько картин, изображающих Неаполитанский залив с видом на Везувий. Одну из его картин, изображающую Неаполитанский залив лунной ночью, увидел всемирно известный английский маринист Тернер, человек нелюдимый, характера мрачного. Он пришел от картины в такой восторг, что написал по этому поводу стихотворение на итальянском языке, посвященное Айвазовскому. «На картине этой вижу луну с ее золотом и серебром, стоящую над морем и в нем отражающуюся... Поверхность моря, на которую легкий ветерок нагоняет трепетную зыбь, кажется полем искорок или множеством металлических блесков... Прости мне, великий художник, если я ошибся, приняв картину за действительность, но работа твоя очаровала меня, и восторг овладел мною. Искусство твое высоко и могущественно, потому что тебя вдохновляет Гений».

Такая похвала со стороны прославленного мастера способствовала укреплению европейской славы Айвазовского. Картина «Неаполитанский залив лунной ночью» находится в Феодосийской картинной галерее.

Айвазовский много рисовал и писал в Сорренто, где незадолго до этого жил и работал любимый им Сильвестр Щедрин: он сделал ряд рисунков в Амальфи, а в 1843 году долго работал в Венеции, где создал большой цикл прекрасно выполненных видов Венеции. Часть написанных в Италии картин он отправил еще в 1842 году в Академию художеств как отчет о своих трудах за границей. Тогда же по предложению Академии живописец на шесть месяцев покинул Италию, чтобы участвовать на выставке в Париже. Картины мариниста имели крупный успех. Ему была присуждена большая золотая медаль. Прославленный французский живописец О. Верне, которому был представлен Айвазовский, сказал ему: «Ваш талант прославляет Ваше отечество».

В Риме Айвазовский сближается с А. Ивановым и Н. Гоголем. Общение с ними обогатило художника. В мастерской Иванова он мог следить за процессом работы великого живописца, а в беседах с Гоголем укрепился в своем пристрастии к романтическому направлению в искусстве. Его вдохновляла патетика поэтических образов Гоголя, приподнятость тона в описаниях природы. Гоголь был первооткрывателем литератур-

ных образов украинской природы; для ее изображения он нашел самые яркие краски словесной палитры. Его восприятие природы во многом определило романтический пафос живописи первой половины XIX века. Айвазовского вдохновляли высказывания Гоголя: «Если бы я был художником, я бы изобразил особого рода пейзаж. Какие деревья и ландшафты теперь пишут! Все ясно, все разобрано, проверено мастером, и зритель по складам за ним идет.

Я бы сцепил дерево с деревом, перепутал ветви, выбросил свет, где никто не ожидает его, вот какие пейзажи надо писать!».

Такое отношение к живописи было по душе маринисту. Наряду со многими полотнами, где представлены лучезарные виды Неаполя и Венеции, Айвазовский еще в 1843 году написал картину «Кораблекрушение». На «ей изображены гибнущие у скалистого берега корабли. Один уже затонул, и от него остались шлюпка да плот с уцелевшими матросами. Второй корабль еще сопротивляется натиску яростных волн, но и он обречен. Ураганный ветер и волны гонят корабль на прибрежные скалы, и он выглядит легонькой игрушкой среди мрака и рева бушующих стихий.

Айвазовский побывал и в Англии, а по пути оттуда совершил путешествие в Португалию и Испанию, где так же много и усердно рисовал виды приморских городов. На обратном пути в Россию, в 1844 году, он остановился в Амстердаме, где устроил выставку некоторых своих работ. В Голландии — на родине первых художников-маринистов XVII века — за высокое мастерство и поэтичность живописи Айвазовскому было присуждено почетное звание академика.

Осенью 1844 года Айвазовский вернулся в Петербург прославленным во всем мире художником. Его картины были приобретены в Италии, Англии, Франции, Африке, Америке. На родине он был встречен с большим почетом. Петербургская Академия художеств присудила Айвазовскому звание академика, а Главный военно-морской штаб присвоил ему звание первого художника штаба и право носить адмиралтейский мундир. Айвазовскому был поручен «большой и сложный» правительственный заказ — изобразить все русские укрепленные города на Балтийском море. На выполнение этого заказа и ряда других картин ушла зима 1844 — 1845 года. Весной 1845 года живописец отправился с адмиралом Литке в плавание к островам Греческого архипелага, побывал в Турции и Малой Азии; художник много и успешно работал во время путешествия и вернулся с большим запасом детально выполненных карандашных рисунков, по которым в дальнейшем написал ряд прекрасных картин — видов Константинополя и городов, лежащих на островах архипелага.

Возвращаясь из плавания, Айвазовский задержался в Сева-

стополе, а приехав в Феодосию, решил поселиться в ней навсегда. Его не привлекала возможность стать придворным художником и выполнять волю именитых заказчиков. Сам он так писал о своем решении: «...но чуть повеет весной — и на меня нападает тоска по родине, меня тянет в Крым, к Черному морю...». Это чувство Айвазовский будет испытывать в течение всей жизни, оно определило влечение его к родным берегам и объясняет его постоянное пребывание в Крыму.

Художник в 1845 году приступил к постройке на окраине Феодосии, на берегу моря, дома с большой мастерской для работы. В этом доме прошла вся трудовая жизнь мариниста. Здесь им написана основная масса картин.

На родине. Труд и вдохновение

В Феодосии жизнь Айвазовского проходила в трудовой обстановке. Огромная зрительная память и неиссякаемое воображение, легкость, с какой он воплощал свои творческие замыслы, делали труд его радостным и плодотворным. Литератор В. Кривенко, гостивший у художника, записал свои впечатления: «В наш приезд в галерею работал Иван Константинович над большим полотном. В широком живописном халате, с палитрой и кистью в руках, с молодыми блестящими глазами, устремленными на оживающее полотно, художник был положительно эффектен. По легкости, видимой непринужденности, по довольному выражению лица (во время работы) можно было смело сказать, что такой труд — истинное наслаждение».

Обычно, если картина была небольшая, Айвазовский писал ее в течение одного — двух дней. Если это была картина средних размеров, до двух метров, то он работал над нею около недели, то есть до тех пор, пока краска не начинала высыхать «а холсте. И только над картинами, написанными в усложненной технике, и над большими произведениями он работал более длительное время.

Художник всегда находился в счастливом творческом состоянии; он был твердо убежден, что самая лучшая его картина это та, над которой он сейчас работает. Мы не раз встречаем в письмах Айвазовского сообщения о начатых картинах и утверждения, что это будет самая лучшая его картина. Он был не только увлечен своим творчеством, он был полностью поглощен им, и это наполняло его жизнь. Свобода, с какой художник умел воплощать свои живописные замыслы, сообщала его мастерству черты моцартовской легкости и свежести. Особенно ярко проявились эти черты в небольших картинах; их художник создавал, импровизируя, без каких-либо предварительных рисунков, сделанных с натуры.

Чтобы изобразить море в движении, передать накат волн,

их прозрачность, надо было глубоко познать характер и закономерность их движения в различных условиях: в открытом море, у скалистых берегов или песчаных отмелей. Художник постоянно наблюдал море, он почти никогда не рисовал с натуры взволнованное море, полагая, что «движения живых стихий неуловимы для кисти: писать молнию, порыв ветра, всплеск волны — немислимо с натуры. Для этого-то художник и должен запоминать их и этими случайностями, равно как и эффектами света и теней, обставлять свою картину».

Даже одна из наиболее прославленных картин Айвазовского «Девятый вал» (1850) полностью написана по наблюдениям, по воображению. Несмотря на это, она является одним из самых впечатляющих произведений русской пейзажной живописи.

На картине изображено раннее утро после бурной ночи. Первые лучи солнца осветили бушующий океан и громадную волну — «девятый вал», готовую обрушиться на группу людей, ищущих спасения на обломках мачт погибшего корабля.

При первом же взгляде на полотно становится очевидным, какая страшная гроза прошла ночью, какое бедствие терпел экипаж корабля, как гибли моряки. Тем острее воспринимается наступившее прояснение, яркий блеск утренней зари, живительный свет и тепло солнца, вселяющие уверенность в победном исходе борьбы.

Айвазовский нашел точные средства для изображения величия, мощи и красоты морской стихии. Несмотря на драматизм сюжета, картина не оставляет мрачного впечатления. Наоборот, она полна света и воздуха и вся пронизана лучами солнца, сообщающими ей оптимистический характер. Этому в значительной степени способствует колористический строй картины. Яркая, красочная гамма звучит радостным гимном мужеству людей, побеждающих слепые силы страшной, но прекрасной в своем грозном величии стихии.

Мажорный цветовой строй картины, включающий в себя все самые яркие краски палитры, звучит как победный финал пятой симфонии Бетховена.

Картине «Девятый вал» больше ста лет, но в огромном зале Ленинградского Русского музея она выглядит так, будто только сейчас снята с мольберта — настолько свежи и чисты ее краски. В этом также обнаружилась одна из черт высокого живописного мастерства Айвазовского.

В 1848 году Айвазовский написал парные батальные картины — «Чесменский бой» и «Наваринский бой». В них проявилась способность художника изображать морские сражения так, что его картины стали неотъемлемым дополнением к историческим документам. Морские сражения парусных кораблей он писал не только со знанием конструкций кораблей, но я всех деталей оснастки и вооружения. Их он изучил во время участия в маневрах Балтийского флота в 1836 году, во время плавания с

М. Лазаревым у Кавказских берегов в 1839 году, Плавания с адмиралом Ф. Литке в Греческом архипелаге в 1845 году и при многих посещениях военных кораблей как в Петербурге, так и в Севастополе.

Когда в 1853 году по Крыму прошла молва о Синопском бое, Айвазовский оставил свои занятия и сейчас же выехал в Севастополь, куда вернулись суда Черноморского флота. Здесь художник расспрашивал о всех деталях боя, о расположении кораблей; он узнал, как Нахимов, обнаружив турецкий флот в Синопской бухте, под обстрелом турецких береговых кораблей ввел свои корабли в бухту, а затем пошел на сближение с вражеским флотом и завязал с ним бой «на самой близкой дистанции». Живописец услышал об особо отличившихся в сражении кораблях и потерях личного состава, о том, как велся огонь и по турецким береговым батареям и по неприятельским кораблям. Айвазовский узнал о том, что во время боя Нахимов приказал передать благодарность особенно отличившемуся кораблю «Париж», но выполнить его распоряжение не смогли, так как «а его флагманском корабле все фалы (снасти) были перебиты вражеским огнем и не на чем было поднять сигнал. Собрав необходимые сведения, художник вернулся в Феодосию и приступил к работе над двумя большими картинами, изображающими «Синопский бой днем» — начало сражения, и «Синопский бой ночью» — конец боя, разгромленный турецкий флот и город в огне.

Вскоре эти полотна и несколько небольших картин, показывающих отдельные боевые эпизоды, были написаны Айвазовским. Он изобразил первый в истории бой паровых кораблей в 1853 году — русского корабля «Владимир» и турецкого «Первас-Бахри»; тогда в результате боя турецкий корабль был захвачен и приведен в Севастополь. Свои работы живописец повез на суд участников этих сражений и, открыв выставку своих произведений, целые дни проводил на ней, прислушиваясь к разговорам посетителей. Адмирал Нахимов, посетивший выставку, лестно отозвался о картинах.

Мичман Иванов, участник Синопского сражения, сообщил в письме к своим родным об этой выставке следующее: «Сегодня второй день, как Айвазовский открыл выставку своих картин: двух видов Синопской битвы, двух видов битв «Первас-Бахри» с «Владимиром» и пятый — вход «Владимира» с «Первас-Бахри» на буксире под парами в Севастополь. Перед этими картинами постоянно куча народа... Первая картина представляет — днем начало (Синопского. — *Н. Б.*) сражения. Некоторые суда неприятельские только начали гореть, другие выброшены и, наконец, один фрегат взорван. «Картина чрезвычайно верно сделана» — это сказал Нахимов, герой Синопа.

Вторая представляет пожар в городе и судов на рейде, ночью. Эта картина так поражает, что трудно оторваться от нее...».

Позднее Айвазовский приезжал в осажденный Севастополь и создал ряд картин, отражающих различные моменты обороны города, кроме того, художник написал две картины «Буря под Евпаторией» и «Буря под Балаклавой», во время которой погибло много английских кораблей и среди них легендарный «Черный принц». Последние картины, хотя и связаны тематически с Крымской войной, по существу являлись изображением бурного моря. И это не случайно. Все творчество художника в основном посвящено морю. Какой бы сюжет ни лежал в основе произведений живописца, он почти всегда стремился связать его с морем.

Наряду с картинами, передающими героизм русского флота, Айвазовский запечатлел многие эпизоды освободительных войн народов, в том числе борьбу греческого народа за свою свободу и независимость.

Борьба угнетенного греческого народа с сильной в военном отношении Турцией, жестоко подавлявшей всякую попытку к сопротивлению, вызвала глубокое сочувствие к Греции всего прогрессивного человечества. Когда вспыхнуло восстание на острове Крит, Айвазовский был в числе передовых людей России, выступивших в защиту повстанцев. Своим искусством он содействовал распространению симпатий к народу, поднявшему знамя освободительной борьбы. Художник написал ряд картин, изображающих эпизоды восстаний в 1825 и 1866-1868 годах.

Наиболее значительным произведением этого цикла была картина «На острове Крит». На ней изображен момент эвакуации мирного населения острова на русский фрегат. По горной дороге к берегу моря спешат толпы женщин, детей, стариков. Часть из них уже разместилась в шлюпках и направляется к кораблю. На берегу разыгрываются драматические сцены прощания повстанцев со своими семьями. На руках несут обессиленную, видимо больную, женщину. Силой уведут к шлюпке старика, не желающего расстаться с родными местами. Все эти события показаны на фоне моря. Пламена, догорает вечерняя заря, горы уже покрыты сумрачной мглой, а на розовый песчаный берег набегает изумрудные волны, рассыпаясь кружевом лиловой пены.

В этой картине Айвазовский проявил себя как художник, глубоко переживающий трагедию угнетенного греческого народа, ярко отразивший ее в живых, полных глубокого смысла образах. Сюжет картины подсказал живописное решение композиции. В результате получилась содержательная и блестяще выполненная картина. Накопленные во время плавания у островов Греческого архипелага впечатления послужили материалом для создания большого цикла картин, отражающих эпизоды освободительной борьбы.

В 1868 году Айвазовский совершил путешествие на Кавказ,

Десятый вал. 1850.

Море. Буря. 1853.

Мыс Фиолент. Георгиевский монастырь. 1846.

В Египте. Пирамиды. 1870-е годы.

Ледяные горы в Антарктиде. 1870.

Солнечный день. 1884.

Море. 1864.

Чёрное море. 1881.

Бой брига «Меркурий» с турецкими судами. 1892.

Корабль «Мария» во время шторма. 1892.

Среди волн. 1898.

Морской залив. 1900.

Восход луны в Феодосии. 1899.

во время которого он по обыкновению много рисовал. Остановившись в Тифлисе, он написал двенадцать картин, отражающих природу Кавказа. В ноябре 1869 года художник отправился в Египет на открытие Суэцкого канала. В результате он запечатлел не только картину Суэцкого канала в момент прохождения по нему кораблей различных стран, принимавших участие в торжествах, но и большое количество видов Египта с пирамидами, сфинксами, караванами верблюдов, Нил с пальмами по берегам и несколько видов прибрежных городов.

В 1870 году, в связи с пятидесятилетием открытия русскими мореплавателями Лазаревым и Беллинсгаузеном берегов Антарктиды, Айвазовский написал ледяные горы у южного полюса и корабль под русским флагом на волнах. Это далеко не единичные случаи, когда художник очень быстро и легко откликался на события окружающей его жизни. Так, например, случилось в Феодосии затмение солнца — он сейчас же написал его; затонул у берегов Норвегии корабль «Ингерменланд» — и он изобразил его гибель.

Известно несколько видов Москвы, созданных Айвазовским. Особенно удачны его панорамные виды города со стороны Воробьевых гор. Свои картины художник обычно показывал на выставках Московской школы живописи и ваяния, где их копировали многие ученики и среди них прославленные впоследствии живописцы Саврасов и Шишкин. Художник любил Москву. «...Москва производила на меня всегда сильное впечатление своими оригинальными видами, но никогда не был я поражен ею так живо, как в нынешнее мое пребывание. Это живописнейший город в Европе...», — сказал Айвазовский в 1851 году, на праздновании, организованном в честь него и гравера Ф. Иордана.

Проплыв по Волге от Рыбинска до Астрахани, живописец сообщил: «...от Волги я в восхищении...» и, конечно, запечатлел виды Волги.

Быстрое переключение Айвазовского от одной темы к другой объясняется особыми чертами дарования художника и легкостью, с какой он воплощал свои творческие замыслы. Возможно, что само содержание его искусства, изображение вечно подвижной стихии подсказывало ему и диктовало быстрые темпы работы. Сам Айвазовский ясно сознавал все это и как-то сказал: «Я не могу подолгу корпеть над картиной...».

В высоком артистизме выполнения, с каким написаны многие картины художника, кроется очарование его живописи.

Современники Айвазовского высоко ценили своеобразие его таланта. Импровизационный метод более всего соответствовал натуре художника, что было обусловлено многими чертами его дарования. Недаром маринист любил музыку Россини: композитор был наделен таким же, как живописец, даром легкого воплощения и писал иногда свои оперы в течение одной недели.

В XIX веке импровизации были довольно распространенным явлением. В способности поэта и музыканта легко творить, импровизировать видели особый дар, всегда вызывавший симпатии публики.

Айвазовский клал последний мазок на холст, с сознанием того, что он сделал все, что мог, и, как правило, никогда не переписывал и не исправлял своих картин. Уже в ранней молодости с ним произошел случай, ясно раскрывший эту черту его характера. Однажды художнику сделали указание, что на картине неправильно изображен всплеск воды от падающего ядра. Айвазовский согласился с этим и сказал, что он напишет другую картину, на которой исправит ошибку. Видимо, ему и в молодости было проще написать новую картину, чем исправлять допущенные неточности. К тому же художник, очевидно, руководствовался определенными соображениями.

Любопытен и другой случай. Как-то на выставке Айвазовского Репин обратил внимание на то, что фигуры на картине освещены солнцем с двух сторон. Старый уже в ту пору художник расхохотался и сказал: «Ах, Илья Ефимович, какой вы педант».

О некоторых особенностях творчества художника

Айвазовский — художник, творчество которого посвящено преимущественно отображению бурного моря. Он и сам говорил, что из шести тысяч картин, написанных им, четыре тысячи изображают ураганы, кораблекрушения, бури на море. Но с таким же совершенством живописец писал спокойное, излучающее сияние море. Он любил его в полуденный час, залитым яркими лучами высоко стоящего солнца. Море, как огромное зеркало, отражает солнечный блеск, в котором растворяются и едва заметны, как мираж, легкие облака, дальние горы. Корабль с распушенными парусами, как серебряный, стоит в легкой туманной дымке. Такие картины маринист создавал во второй половине жизни, и они у любителей живописи получили название «голубых Айвазовских».

Смолоду художник любил писать вечернее море, передавая восход полной луны над морем в тихий летний час. Иногда он изображал море при штиле («Неаполитанский залив лунной ночью», 1850), когда влажная пелена поднимается над ровной гладью воды, и усиливая впечатление пространства между предметами, вслед за «лунной дорожкой» уводит наш взгляд в бесконечную даль.

Айвазовский неподражаемо передавал впечатление искрящегося, отраженного в легкой морской зыби лунного света. Одну из своих картин он так и назвал «Лунный свет». Конеч-

но, на картине было изображено что-то еще, быть может, морская лагуна в Венеции, с гондолами и парусными кораблями, а может быть, Ялтинское побережье и легкий прибой ночной волны или родная Феодосия в тот час, когда в лунном сиянии она преображается. Мрачные средневековые башни четко высятся над городскими постройками, а под ними, сверкая лунным блеском, плещет ленивая волна. Видимо, на этой картине лунный свет был передан настолько правдиво и так поэтично, что художник дал ей совершенно необычное для того времени название «Лунный свет» и послал картину на Всемирную выставку в Париж, откуда она не вернулась. Это почти всегда бывало с его произведениями, посланными за границу. Они приобретались коллекционерами.

Не было ничего неожиданного в том, что живописец часто изображал море лунной ночью. Его учитель Воробьев любил писать Неву при луне, а однажды, вдохновившись музыкой Моцарта, написал очень правдивую марину с луной.

Это было время, когда Шопен создавал свои ноктюрны, удивительно созвучные многим маринам Айвазовского.

Художник, обладавший большой музыкальностью, естественно, был захвачен возможностью сообщить своим произведениям черты, которые невольно вызвали музыкальные и поэтические ассоциации. Особенно «музыкальны» картины живописца, изображающие лунные ночи в Италия, неотделимые от баркаролл, музыки гондольеров и романсов, распевавшихся под звон гитары.

Редким даром вызывать живописными образами близкие им музыкальные ощущения было наделено искусство мариниста и в молодости, и на склоне его дней. Образы картин Айвазовского обращены к внутреннему миру человека, рождая в нем отклик, подобный тому, который вызывает музыка.

В искусстве Айвазовского заложена искренняя взволнованность, восхищение величием и красотой природы. Это передается зрителю и вызывает в нем, те же эмоции, какими был охвачен художник в процессе творчества. Искусство его содержит в себе энергию и бодрость; оно оптимистично в своей основе, укрепляет злость к жизни и к творческому труду. Художник впервые изобразил природу в постоянном движении, в непрерывной изменчивости, в столкновении ее могучих сил.

В 1881 году Айвазовский написал одно из своих основных произведений, полное величия и силы — «Черное море». Внешне картина настолько проста, что ее невозможно описать, и вместе с тем это одно из наиболее выразительных полотен Айвазовского. Сам художник, конечно, прекрасно сознавал значение этого произведения, отсюда, надо думать, и произошло название картины «Черное море».

Первоначально она имела иное название «На Черном море начинается разыгрываться буря». Но оно не удовлетворяло Айва-

зовского, так как говорило только о внешнем состоянии природы. А художник чувствовал и понимал, что в этом произведении он смог написать нечто большее, чем обычную в его творчестве марину: ему удалось создать синтетический образ Черного моря, включающий в себя многие отличительные его черты.

Море изображено в серый ветренный день. Небо покрыто облаками. Весь передний план картины заполнен идущими от горизонта волнами. Они движутся гряда за грядой и своим чередованием создают особый ритм и величавый строй всей картины.

Суровой простоте содержания картины полностью отвечает сдержанная красочная гамма ее, построенная на сочетании теплых серых тонов неба и глубокого зелено-синего цвета воды. Знание изображаемой природы и проникновенное понимание ее, скупая расчетливость живописных приемов — все это определило появление правдивой, полнокровно реалистической картины, поставившей имя мариниста в один ряд с передовыми мастерами русского реалистического искусства и обеспечившей ему широкое всенародное признание.

Полный переход художника на реалистические позиции, совершившийся в 60 — 70-х годах, свидетельствует о внутренней близости художника к передовому, прогрессивному реалистическому русскому искусству. Это важнейшее в творческом развитии живописца явление было завершением длительного процесса развития его творческой индивидуальности и привело художника к новым вершинам мастерства в картине «Черное море».

Эта картина свидетельствует о том, что художник умел видеть красоту близкой ему стихии не только во внешних эффектных проявлениях, а и в едва уловимом, строгом ритме ее дыхания, в скрытой, потенциальной мощи ее. В картине «Черное море» Айвазовский сумел достичь неотъемлемых от зрительного образа шумовых ассоциаций.

Картина «Черное море» настолько эмоционально насыщена, что ее образ невольно вызывает в нашей памяти ритм мелодий из программных произведений композитора Н. Римского-Корсакова: «Море», «Садко», «Шехерезада». И в этом мы видим особое очарование картины «Черное море».

Айвазовского любили композиторы. У него гостили А. Рубинштейн, Г. Венявский, А. Спендиаров. Они музицировали с художником, проводя ночи у раскрытых окон гостиной или на балконах, выходящих на море.

Художник был радушен и гостеприимен. Он был настолько доступен и прост, что, не стесняясь присутствия гостей, работал при них, не делая никаких секретов из своего живописного мастерства, кстати сказать, удивительно незатейливого и простого.

Палитра Айвазовского на протяжении шестидесяти лет

творческой деятельности, естественно, претерпела ряд изменений, но ограниченный подбор красок для каждой отдельной картины оставался у него неизменным на протяжении всей жизни. Наивно было бы думать, что в своем творчестве Айвазовский применял только те шесть красок, о которых как-то говорил один из знаковых живописца, археолог и историк Л. Колли. Палитра мариниста была богаче и разнообразней. Но для каждой отдельной картины он брал три-пять, редко больше красок тех цветов, какие ему нужны были для данного случая. Этот совершенно своеобразный метод работы был очень рано найден художником, и его он придерживался в течение всей жизни.

Картины Айвазовского, независимо от времени их создания, как правило, выдержаны в каком-либо определенном цвете. Еще В. В. Стасов и А. П. Боголюбов справедливо отметили эту особенность его картин. Они обычно голубые или розовые, желтые или лиловые, зеленые или синие. Этот определенный цветовой строй картины создавался подбором палитры соответствующего красочного состава.

В картинах Айвазовского не встречается так называемого локального цвета, то есть основного цвета, присущего данному предмету и передаваемого без учета изменений в нем, вызванных воздействием окружающих предметов и воздуха. Цвет всего изображенного на картине он полностью подчинял основной красочной гамме, в которой выдержана картина. В этой гамме живописец писал не только небо и воду, но, изображая землю и горы, скалы и растительность, пользовался теми же цветами, в каких выдержан основной строй картины. Этим он достигал большой обобщенности, спаянности всего красочного построения, той цельности живописного впечатления, которая так характерна для искусства Айвазовского. Скупость цветовой гаммы, мудрая простота цветовых отношений вели к большой ясности, отчетливости формы.

Иногда художник строил колорит картин на резком противопоставлении основных цветов палитры, чем достигал большой насыщенности и яркости цвета. В живописи Айвазовского довольно часто встречаются картины, красочная гамма которых до предела насыщена.

Айвазовский никогда не перегружал холст краской. Его метод работы способствовал этому. Красочный слой на картинах мариниста нанесен с тонким расчетом и большим артистизмом. Он хорошо владел многими способами наложения краски на полотно. Рациональной нагрузкой холста краской прежде всего объясняется хорошая сохранность картин художника. Айвазовский умел протереть краску едва заметным тонким слоем в небе и дальних планах и положить ее жирным «вкусным» мазком на освещенных местах переднего плана и бликах на воде. Он придавал большое значение кладке красочного слоя.

Айвазовский никогда не переписывал небо, оно всегда напи-

сано в один прием. Это сообщает небу в его картинах большую легкость, прозрачность, а облакам — слитность, вписанность в красочное тесто. Совсем иначе работал маринист, изображая воду. Обычно он широко прописывал форму волны, давая прописке «провянуть» и сверху, по вязнувшей поверхности прорабатывал детали формы, кружево пены и т. п., завершая всю работу кладкой бликов на воде пастозным, то есть значительной толщины рельефным слоем краски.

Завершающему этапу работы Айвазовский уделял большое внимание, так как эти последние мазки не только придавали законченность изображению, но и сообщали ему тот трепет и движение, какими полны лучшие картины художника.

Айвазовский очень широко применял лессировки (нанесение очень тонких слоев прозрачных или полупрозрачных красок на «более плотные красочные слои»), причем воду он иногда лессировал по полусухому подмалевку. Часто художник лессировал волны у их основания, чем придавал глубину и силу красочному тону и достигал эффекта прозрачной волны. Иногда лессировками утемнялись значительные плоскости картины. Но лессировка в живописи Айвазовского не была обязательным последним этапом работы, как это было у старых мастеров при трехслойном методе живописи. Вся живопись у него в основном проводилась в один прием, и лессировка часто применялась им как один из способов наложения красочного слоя на белый грунт при начале работы, а не только как завершающие прописки в конце работы. Лессировкой художник иногда пользовался на первом этапе работы, покрывая полупрозрачным слоем краски значительные плоскости картины и используя при этом белый грунт холста как светящуюся подкладку. Так иногда писал он воду. Умело распределяя красочный слой различной плотности по холсту, Айвазовский достигал правдивой передачи прозрачности воды.

Гражданин своего города

В мастерской Айвазовского побывали многие сотни людей — знакомые и незнакомые люди, захавшие случайно в Феодосию. Частыми гостями были, конечно, и земляки-феодосийцы, которые видели в Айвазовском не просто выдающегося живописца, но и преданного гражданина своего города.

Любовь Айвазовского к Феодосии проявилась в постоянной и очень активной деятельности, направленной на развитие и улучшение города. Он принимает самое непосредственное участие в хлопотах, связанных с проведением железной дороги в Феодосию и постройкой порта в городе. За короткое время — с 1892 по 1894 год — на родине художника был построен самый большой в Крыму торговый порт. Началось быстрое развитие

Феодосии. А когда перед городом остро встала проблема, связанная с нехваткой питьевой воды, Айвазовский снова помог городу. По-своему воспринял и отметил простой народ отзывчивость к их нуждам великого мариниста, его заботы о родном городе, сохранив благодарную память о нем в песнях.

Айвазовский не только не отказывал феодосийцам в помощи, но и сам искал способы облегчить их участь. Так, однажды, когда крестьяне, арендовавшие государственные земли, по неграмотности пропустили срок заключения очередного договора и им угрожали большие трудности и осложнения, художник взялся помочь им. «Податели (письма. — Н. Б.), деревни Джума-Эли едут с прошением к губернатору. В самом деле, поступили жестоко против них... Губернских ведомостей они не читают и вдруг узнают, что аренда осталась за каким-то феодосийцем, который, вероятно, будет душить их немилосердно, — а их 110 дворов. Спасите этих несчастных...», — обратился Айвазовский в своем письме к какому-то влиятельному лицу.

Художник, «познакомившись с нуждою еще в детстве, всегда, всеми зависящими от него средствами старается устранить нужду везде, где он ее находит. Его многочисленные выставки... дали около 70 000 рублей сбора, которым он всегда давал благотворительное назначение», — отмечал один из биографов художника.

Во время голода во многих центральных губерниях России в 1891 — 1892 годах Айвазовский горячо откликнулся на призыв общественности о помощи голодающим.

Народная молва сохранила память о том, что Айвазовский пережил и перекрестил чуть ли не половину коренных феодосийцев, щедро одаривая новорожденных и невест. Он охотно принимал участие в празднествах, наслаждаясь национальными мелодиями и танцами. Музыканты любили живописца, слагали в честь него песни, а в семейные праздники великого художника собирались у его дома, славя хозяина. Стоит ли удивляться, что слава Айвазовского в Крыму была поистине всенародной.

Последние годы жизни

Когда Айвазовскому минуло семьдесят пять лет, он в 1892 году предпринял далекое путешествие в Америку. Как обычно художник, устраивая выставки своих картин во многих городах Америки, непрерывно писал картины, изображая природу новой для него страны. Особенно поразил его Ниагарский водопад, который Айвазовский писал в разное время суток: днем, ночью, при луне. Его дорожный альбом полон зарисовками Ниагары. Айвазовский до конца жизни был полон жажды новых, всегда вдохновляющих его впечатлений.

К старости в творчестве Айвазовского усилилось тяготение

к сюжетам величественным, грандиозным. Размеры его картин стали больше, часто он писал свои марины на громадных полотнах. Показательны в этом отношении картины «Волна» (в Гос. Русском музее), изображающая бурное море и гибнущий корабль, «От штиля к урагану» и «Среди волн», экспонированных в Феодосийской картинной галерее. Последнее полотно, написанное в 1898 году, является одним из самых динамических произведений живописца, изображающих прекрасную в своем грозном величии картину разбушевавшейся морской стихии.

Айвазовскому минуло восемьдесят лет, но он не только не утратил былого мастерства или свежести восприятия, а напротив, полон творческих замыслов, напряженно работает и во многих произведениях достигает еще большего совершенства.

Огромную картину «Среди волн» (свыше 12 квадратных метров) художник написал, стоя на помосте, в течение десяти дней, и сделал это с поражающей легкостью. Грубый холст едва протерт краской. Кажется, будто маринист, не отрывая кисти от холста, работал над картиной и будто она сделана «на одном дыхании».

Очень хорошо о подобных картинах сказал Ф. Достоевский, побывав на выставке в Академии художеств: «...между произведениями давно признанных мастеров первое место занимают три картины знаменитого профессора Айвазовского. «Буря под Евпаторией» ...изумительно хороша, как все его бури, и здесь он мастер без соперников... В его буре есть упоение, есть та вечная красота, которая поражает зрителя в живой настоящей буре...».

Зимой 1899 года художник открыл свою последнюю выставку работ в Петербурге. В начале 1900 года он возвратился в Феодосию и начал готовиться к задуманной им поездке в Италию.

Среди полотен, написанных Айвазовским в 1900 году, выделяется высокой поэтичностью замысла и блестящим выполнением небольшая картина «Морской залив», созданная по воспоминаниям о молодых годах, проведенных им в Италии.

Есть ряд более ранних светлых марин, написанных художником в последнее десятилетие жизни, но «Морской залив» выше их по удивительной правдивости и тонкой лиричности изображения. (Картина является вехой нового цикла лучезарных марин, оставшегося незавершенным из-за скоропостижной смерти художника. Сюжет картины прост. Изображено тихое море в ясный полдневный час. Все окутано серебристой дымкой — небо, море, далекий гористый мыс или остров, и только на переднем плане колорит приобретает соответствующую плотность и четкость. Лодки, стоящие вдалеке от кромки воды, написаны почти силуэтно; рыбаки, собравшиеся у парусника, составляют живописные подвижные группы, они переданы с удивительной для мариниста жизненностью и простотой.

Айвазовский вообще был мастером групповых сцен. Он прекрасно компоновал их так, что они на его картинах всегда были на своем месте, не нарушая, а дополняя их. Однако групповые сцены редко занимали основное место в его композициях, как, например, в картине «Свадьба на Украине». Здесь эти сцены написаны с чисто теннисовской живостью и свободой, без каких-либо предварительных натурных зарисовок. Такие картины свидетельствуют о разносторонней одаренности художника, умевшего любой замысел воплотить в соответствующую ему полноценную форму.

И на склоне дней своих Айвазовский был по-прежнему поглощен творчеством. Ему были отданы вся энергия, все помыслы художника. Очень ярко отразилось это в сугубо деловом письме Айвазовского, в котором он обращается с просьбой помочь ему разделить имущество между детьми. Пространное письмо заканчивается словами: «Простите... что пишу на кусочках (бумаги. — Н. Б.). Пишу большую картину и ужасно озабочен».

Не все, что он писал в девяностых годах, было равноценно. Наряду с такими первоклассными работами, как «Среди волн» или («Морской залив», встречаются работы, в которых ощущима какая-то вялость, а иногда и торопливость. В одном из писем Н. Н. Кузьмину художник пишет: «...Восемьдесят два года заставляют меня спешить...». Он ясно ощущал приближающийся конец и желал только, чтобы он был внезапным. Так и случилось. Утром 18 апреля 1900 года маринист чувствовал себя здоровым, поставил на мольберт чистый холст и приступил к работе над картиной «Взрыв турецкого корабля», изображающей эпизод из освободительной борьбы греческого народа. Работа, как всегда, шла легко. Наметив карандашом основные контуры будущей картины, художник взял палитру и кисти и стал быстро прописывать парусный корабль в огне и дыму, занимавший центральную часть картины. Он изобразил многие детали горящего корабля, очень живо написал пламя взрыва и клубы дыма, окутавшего корабль. Чтобы усилить яркость огня, Айвазовский прописал синеватым цветом небо и дальние горы, наметив на них некоторые детали, и совсем общенно протер чуть зеленоватым тоном море с едва уловимой на нем зыбью. Лодку в правом нижнем углу художник написал той же коричневой смесью красок, какой написан дым. Закончив первый этап работы, он прервал ее, рассчитывая на следующий день завершить картину. Ему осталось сделать немного — несколькими уверенными мазками кисти передать отражение пламени на морской зыби, придать материальность формам лодки на переднем плане, написать в ней несколько фигурок. Все это заняло бы еще один день работы. Судя по свободе и мудрой последовательности, с какой протекал процесс работы над этой картиной, можно с уверенностью сказать, что

художник, уходя из мастерской, остался доволен результатами своего Труда.

Наступил час обеда. После обеда Айвазовский отправился на обычную прогулку, зашел в гости и засиделся до позднего вечера. Вернувшись домой, он лег спать и больше не проснулся. Смерть наступила почти мгновенно.

19 апреля (2 мая) 1900 года Феодосия была в трауре. Своего Первого почетного гражданина город хоронил с воинскими почестями, — явление, по тем временам, небывалое. Он был похоронен в центре города, в ограде древней армянской церкви.

Вместо заключения

Шестьдесят лет творческого труда — редкая удача! Айвазовский оставил после себя огромное творческое наследие. Отношение к его искусству — очень ярко выразил Крамской, сказав: «Айвазовский... кто бы и что ни говорил, есть звезда первой величины». Стасов не менее высоко ценил его творчество: «Маринист Айвазовский по рождению и по натуре своей был художник совершенно исключительный, живо чувствующий, самостоятельно передающий, быть может, как никто в Европе, воду с ее необычайными красотоми...».

Влияние творчества Айвазовского на развитие русской живописи было глубже и значительнее, чем принято об этом думать. В. Суриков в старости вспоминал рассказы своего первого учителя о маринисте: «...как тот воду пишет, — что совсем как живая, как формы облаков знает. Воздух — благоухание...» Суриков надолго был покорен искусством Айвазовского. Развитие М. Врубеля, И. Шишкина и особенно А. Саврасова на раннем этапе проходило под влиянием его живописи. А. Боголюбов начал свой путь в искусстве с подражания живописи Айвазовского. А. Куинджи на всю жизнь сохранил в своем творчестве черты, родственные живописным образам своего первого учителя. Л. Лагорио, А. Фесслер, К. Богаевский, М. Волошин, вышли из Феодосийской мастерской Айвазовского. Три внука Айвазовского — А. Ганзен, К. Арциулов, М. Латри — его ученики. Группа армянских художников была близка Айвазовскому и пользовалась его советами.

Биография Айвазовского не изобиловала яркими событиями, резкими поворотами. Его жизнь прошла в непрестанном труде. Высокое мастерство его искусства и патриотическая направленность общественной деятельности, любовь и преданность своему родному городу, в котором он, художник с мировой славой, провел всю свою жизнь, оставили неизгладимый след на Феодосии. И когда мы думаем о Феодосии, мы прежде всего вспоминаем Айвазовского — славу и гордость своего родного города.

В дореволюционной России жизнь Айвазовского была счастливым исключением, редкой удачей. У него хватило мужества уйти в добровольное изгнание и в провинциальной глуши организовать такие условия для своей работы, в которых полностью раскрывалось его огромное дарование. Мало того — находясь почти безвыездно в Феодосии, Айвазовский силой своего таланта, ума и энергии сумел создать в своем городе благоприятную среду, в которой могло развиваться мастерство большой группы художников. Своим творчеством феодосийские художники обогатили русское искусство и расширили наше представление о природе Крыма.

Счастье улыбнулось Айвазовскому. Он смолоду определил, свое место в искусстве и верил в непрерывный процесс развития своего искусства. Это поддерживало его в постоянном творческом состоянии и сообщало ясность мысли и оптимистическое содержание его труду. И действительно, художник прошел огромный путь поста и совершенствования, создав много вдохновенных произведений в конце творческого пути.

Айвазовский прожил завидно долгую творческую жизнь, не зная старческого увядания чувств, мыслей, мастерства.

Завещав городу свою картинную галерею, Айвазовский создал очаг искусства, у которого развивалась русская маринистическая живопись. Особенно широкое просветительное значение приобрела Феодосийская картинная галерея в послереволюционные годы, она выросла в единственный в нашей стране музей маринистической живописи. Популярность и посещаемость галереи непрерывно растет.

Славой имени Айвазовского полна Феодосия и в наши дни. Старожилы города охотно рассказывают о том, как росла и развивалась за годы Советской власти галерея Айвазовского, как была она эвакуирована в годы Великой Отечественной войны и временной оккупации Крыма фашистскими полчищами, как после изгнания их она в 1944 году была возвращена в родной город, а в 1946 году полностью восстановлена и значительно расширена в послевоенные годы.

И сегодня, когда мы отмечаем 150-летие со дня рождения Айвазовского, творчество художника продолжает привлекать внимание широкой общественности нашей страны — своим пафосом и жизнеутверждающей силой.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Становление художника</i>	<i>3</i>
<i>На родине. Труд и вдохновение</i>	<i>9</i>
<i>О некоторых особенностях творчества художника</i>	<i>14</i>
<i>Гражданин своего города</i>	<i>18</i>
<i>Последние годы жизни</i>	<i>19</i>
<i>Вместо заключения</i>	<i>22</i>

Николай Степанович БАРСАМОВ

ИВАН КОНСТАНТИНОВИЧ АЙВАЗОВСКИЙ

Редактор *Н. А. Горленко*
Художник *Л. Е. Горячкин*
Художественный редактор *М. А. Дорохов*
Технический редактор *М. Т. Перегудова*
Корректор *Р. В. Смирнова*

А 01941. Сдано в набор 5/1 1967 г. Подписано к печати 23/П 1967 г.
Формат бум. 60×90/16. Бумага типографская № 3. Бум. л. 0,75+0,25 вкл.
Печ. л. 1,5+0,5 вкл. Уч.-изд. л. 1,35+0,42 вкл. Тираж 35 000 экз.
Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 69.
Типография изд-ва «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4
Цена 8 коп.

8 коп.

**Индекс
70095**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва 1967